

Се Синьцзянь мог поклясться: в столь неловкое положение он не попадал еще никогда в жизни.

Прежде ему казалось, что пик позора — это когда на новогоднем банкете Управления по контролю сверхспособностей огромный черный леопард при всех облизал ему лицо.

Кто бы мог подумать, что не пройдет и месяца, как Ли Вэньсю застанет его стоящим на четвереньках посреди собственной гостиной! Но и этого судьбе показалось мало: не успел Синьцзянь толком ничего сообразить, как в квартиру вошел Ли Синь.

Двойной конфуз. Абсолютный, катастрофический провал.

Синьцзянь так и остался распластанным на ковре перед журнальным столиком. Уткнувшись лицом в пол, он сжался, заливаясь краской от ушей до пяток, и страстно мечтал сквозь землю провалиться.

Первым опомнился Ли Синь. Окинув парочку быстрым взглядом, он с нескрываемым любопытством ухмыльнулся:

— Может, мне выйти?

Впрочем, уходить он и не собирался — напротив, вальяжно опустился на диван с видом человека, подготовившегося к бесплатному представлению.

«Если не смущаешься ты, смущаться придется другим», — судорожно твердил себе Синьцзянь, пытаясь взять себя в руки. Сменив позу на корточки, он уже вознамерился подняться, когда боковым зрением заметил движение.

Ли Вэньсю опустился рядом с ним и протянул руку под столик, откуда выглядывал черный кот.

— Иди сюда, — мягко, совсем не так, как обычно, позвал он.

Котенок, хоть и боялся чужаков, к хозяину был привязан невероятно. Он тут же выскочил из своего убежища, подставил пушистую мордочку под пальцы Вэньсю и сладко замурчал, зажмурившись от удовольствия.

Немного приласкав питомца, Ли Вэньсю протянул его Синьцзяню:

— Хочешь поддержать?

Синьцзянь опешил:

— А можно?

— Конечно. — Вэньсю уже осторожно переложил кота ему на руки.

В тот же миг Синьцянь затаил дыхание. Он бережно прижал животное к груди, боясь сделать хоть одно лишнее движение.

Никаких сомнений: в отличие от того поддельного хищника, перед ним был самый настоящий, идеальный котенок. С глазами-бусинками, мягкой шелковистой шерсткой и трогательным, нежным «мяу».

— Как его зовут? — тихо спросил Синьцянь.

— Сяо Хэй, — ответил Вэньсю.

Синьцянь едва удержался от вздоха. Ну разумеется. Назвать черного леопарда Да Хэем, а кота — Сяо Хэем... Фантазия у этого человека отсутствовала начисто.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик.

Синьцяню даже стало немного жалко беднягу. Обычно коты с людьми держатся гордо и независимо, а этот превратился в верного поклонника Ли Вэньсю. Впрочем, его преданность распространялась исключительно на хозяина: не привыкший к чужим рукам, котик вскоре занервничал и начал вырываться.

Не желая удерживать его силой, Синьцянь разжал пальцы. Черный комок тут же выскользнул из его объятий и с оскорбленным видом юркнул обратно под диван, оставив на свитере лишь несколько тонких черных шерстинок.

Только тут Синьцянь вспомнил, что в комнате они не одни. Поспешно поднявшись с пола, он смущенно пробормотал:

— Здравствуйте, господин Ли.

Ли Синь, наблюдавший за этой сценой с откровенным удовольствием, изогнул бровь:

— Ты что, ночевал у него?

Синьцянь уже хотел кивнуть, но, перехватив двусмысленный взгляд главы «Сыжуй», тут же

замахал руками:

— Произошел форс-мажор! Учитель Ли просто любезно предложил мне гостевую комнату.

— Вот как... — протянул Ли Синь. — А ты тогда...

— Что ты так рано? — перебил его Ли Вэньсю, ставя на стол стакан воды.

— Да слышал я про твои вчерашние неприятности, — мгновенно переключился Ли Синь. — К тому же праздник на носу. Не оставлять же тебя одного в Новый год.

Ли Вэньсю отпил воды и ничего не ответил.

Лишь когда Синьцянь ушел в комнату собирать вещи, Вэньсю неторопливо поставил стакан и бросил:

— С чего ты взял, что я встретил бы праздник в одиночестве?

Ли Синь вспомнил картину, которую застал при входе, и осекся.

Пока братья разговаривали в гостиной, Синьцянь наспех укладывал вещи. Багажа у него было немного, да и убраться отсюда хотелось как можно скорее, поэтому уже через десять минут он стоял в коридоре с чемоданом.

Ли Вэньсю сидел на диване в непринужденной позе, но, увидав Синьцяня, тут же поднялся:

— Уже уходишь?

— Да, — кивнул тот. — Не хочу больше вас стеснять.

— Я отвезу тебя.

— Не нужно! У вас же гость, — испуганно отказался Синьцянь, качнув головой в сторону генерального директора «Сыжуй Медиа».

— Не обращай на него внимания, — равнодушно отозвался Вэньсю.

Синьцянь всё равно не мог позволить Ли Вэньсю садиться за руль в канун Нового года, поэтому схитрил:

— За мной уже едет машина.

Ли Вэньсю нахмурился:

— За тобой?

Синьцянь покорно кивнул, стараясь не выдавать волнения.

— Ладно, — сжалился Вэньсю. — Напиши, как доберешься.

Попрощавшись, Синьцянь практически выскочил за дверь.

Едва за ним закрылась дверь, Ли Синь хохотнул:

— Надо же, не думал, что доживу до такого дня.

— Если бы не вчерашний день, меня бы вообще в живых не было, — сухо отрезал Вэньсю. — Говори, зачем пришел.

— Да говорю же, провести тебя!

— Сделай одолжение, не держи меня за дурака.

Ли Синь любил шумные компании и светские рауты. Новый год в его представлении — это грандиозная вечеринка, а никак не уединенные посиделки двух холостяков.

— Ладно-ладно, — сдался Ли Синь. — Слышал что-нибудь о первом тизере «Лицемерного вида»?

Вэньсю вспомнил, что перед праздниками съемочная группа действительно выпустила короткий анонс, но из-за истории с похищением ему было не до того.

— Видел, — кивнул он.

— Я тут на днях летал за границу и обедал со старцем Ло, — продолжил Ли Синь, перестав паясничать. — Он видел ваши промо-материалы и остался в полном восторге. Сейчас он как раз задумывает проект на однополую тематику и попросил меня аккуратно зондировать почву.

Режиссер Ло — Ло Юаньцзе — был живой легендой китайского кинематографа. Даже Ли Синь уважительно звал его «старцем Ло». В его фильмах глубокий гуманизм и тонкий психологизм всегда сочетались с коммерческим успехом. В последние годы он отошел от дел, преподавал за рубежом, и о его новых проектах ничего не было слышно.

— Он зовет меня? Или нас обоих? — уточнил Вэньсю.

— Вас обоих, разумеется.

Вэньсю задумался:

— Мне нужно время.

— Неужто опасаясь играть гея? — изумился Ли Синь.

Вэньсю давно доказал свой профессионализм, и подобная роль лишь подчеркнула бы его актерскую смелость.

— Дело не во мне, — ровным голосом ответил Вэньсю. — Синьцянь слишком молодой.

— И что с того? — пожал плечами Ли Синь. — Сейчас куча новичков снимается в адаптациях даньмэй.

— Это совсем другое, — качнул головой Вэньсю. — В коммерческих веб-дорамах лишь намеки и фансервис. А у Ло Юаньцзе будет настоящая, тяжелая драма. Синьцяню не хватает опыта, он легко может заиграться и перенести всё в реальную жизнь. К тому же из фильмов Ло годами не могут выйти даже зрители, что уж говорить об актерах.

— А сам-то? — с любопытством спросил Ли Синь. — Ты же тоже у него снимался. Неужели не смог выйти из образа?

Вэньсю на мгновение замолчал.

— Я говорю про этот раз.

Ли Синь не успел уточнить, что тот имеет в виду, как Вэньсю уже набрал номер Ло Юаньцзе. Он сослался на отсутствие опыта в подобных картинах и попросил дать ему время подумать. Режиссер ответил согласием.

Вэньсю решил позже разузнать отношение Синьцяня к подобным ролям или передать предложение через его агента. Если Синьцянь согласится, у него не будет причин

отказываться.

После Праздника весны съемки «Лицемерного вида» вышли на финишную прямую. Спустя два месяца напряженной работы производство фильма подходило к своей эмоциональной кульминации.

Заподозрив слежку, Ся Цзэ заманил преследователя в переулок. Им оказался его сокурсник Мэн Хайян, просто переживавший за друга. Но едва Ся Цзэ перевел дух, как на следующий же день Мэн Хайяна нашли убитым.

Это окончательно сломало юношу. Он отчаянно пытался найти убийцу, но из-за вспышек агрессии его отстранили от расследования, а родители, опасаясь за жизнь сына, и вовсе заперли его дома.

Спустя время полиция задержала преступника — студента университета Цзин, бывшего ученика Дуань Юаня. Профессор утверждал, что вовремя заметил у парня фанатичные склонности и оборвал с ним связь.

Ся Цзэ не поверил. Даже после закрытия дела он продолжал сближаться с Дуань Юанем, изображая «слепое поклонение» авторитету профессора.

Вскоре Ся Цзэ вновь почувствовал на себе чей-то пристальный, липкий взгляд. Своими опасениями он поделился с полицией, но без доказательств следователи лишь развели руками. А одна из сотрудниц уголовного розыска и вовсе высказала предположение, что у юноши развился посттравматический синдром: после вида изувеченного тела друга его мучили мания преследования и паранойя, излечить которые могло только время.

Но Ся Цзэ ощущал отчетливо: невидимый наблюдатель реален. Чужое присутствие становилось всё более назойливым, медленно проникая в его жизнь и оставляя угрожающие следы.

Затевая опасную игру, Ся Цзэ держал себя в постоянном напряжении. И именно в тот момент, когда неизвестный готов был явить свой оскал, слежка внезапно прекратилась. Случилось это аккурат после того, как Ся Цзэ провел весь день в гостях у Дуань Юаня. Юношу прожгла догадка: профессор попросту «избавился» от помехи.

С тех пор Ся Цзэ стал бывать у Дуань Юаня еще чаще, а их беседы становились всё более откровенными.

Они читали книги, и Дуань Юань рассуждал о том, что большинство людей подобны овечьему стаду, полностью зависимому от воли пастуха.

Они цитировали стихи, и Дуань Юань замечал, что жизнь вовсе не коротка — короток лишь сам человек.

Они обсуждали комиксы, и Ся Цзэ ронял мысль, что в душе каждого таится свой злой мистер Хайд.

Искусно манипулируя юношей, Дуань Юань исподволь искажал его восприятие реальности, возвращая в нем цинизм и праведный гнев. Ся Цзэ умело притворялся психопатом, скрывающимся под маской борца за справедливость, но постоянная игра разрушала его изнутри: он страдальчески метался от вспышек ярости к глубокому унынию, начал проявлять жестокость к животным и даже причинять вред самому себе.

Заметив эти перемены, Дуань Юань с удовлетворением пригласил его провести летние каникулы в своем загородном доме.

Особняк располагался в уединенном ущелье между двух гор, рядом с шумящим водопадом. Из-за густой зелени даже в полдень здесь царил сумрак.

Главной же деталью интерьера была гипсовая скульптура человека в натуральную величину, стоявшая в гостиной. Она казалась пугающе живой.

На следующее утро Дуань Юань вернулся с пробежки. Одетый в короткие шорты и майку, он демонстрировал развитую мускулатуру. Ся Цзэ, изнуренный ночным кошмаром, спросил с наигранной ухмылкой:

— Скульптура как живая. Не из настоящего человека сделана?

Дуань Юань вытер пот и мягко улыбнулся:

— Надо же, ты догадался?

Шутка это была или нет, но от одной мысли об этом Ся Цзэ бросало в дрожь, и он старался держаться от изваяния подальше.

Единственным уютным местом в доме для Ся Цзэ стало глубокое красное кресло у панорамного окна. Там он проводил долгие часы за книгами, укрывшись от окружающего мрака и пытаясь найти улики против Дуань Юаня.

Однажды ночью Ся Цзэ тихо спустился в гостиную и подошел к статуе. Беломраморная фигура молча смотрела на него в темноте. Чарующий и жуткий образ заставил его протянуть руку и провести пальцами по гладкой поверхности.

— Он красив, верно? — раздался за спиной голос Дуань Юаня.

От неожиданности Ся Цзэ вздрогнул, задев скульптуру. Та пошатнулась. На инстинктах юноша хотел подхватить её, но вовремя вспомнил свой замысел и отдернул руки.

Статуя с грохотом рухнула на каменный пол и раскололась пополам.

Дуань Юань замер в тени.

— Извините, я не успел... — залепетал Ся Цзэ. Включился свет, и юноша наклонился к обломкам, надеясь увидеть то, о чем давно догадывался.

Но внутри изваяния ничего не было — лишь монолитный белый мрамор. Ся Цзэ опешил. Неужели он ошибся? Неужели Дуань Юань ни в чем не виновен, а сам он окончательно сошел с ума?

Он провел пальцем по острому сколу, рассекая кожу. Алая кровь мгновенно впиталась в пористый белый камень, придавая ему зловещий вид.

Дуань Юань бережно клеил изваяние. На белом животе статуи остался лишь тонкий алый шрам. Профессор подолгу сидел перед ней, погруженный в медитацию.

Ся Цзэ обшарил весь особняк — чердак, бассейн, подвал, — но так ничего и не нашел.

Лишь в дождливый день его взгляд упал на старую фотографию на стене: выпускной снимок Дуань Юаня. Рядом с ним стоял молодой учитель в белой рубашке с пугающей, неестественной улыбкой — Чжоу Ци.

— Это мой учитель словесности, — тихо произнес появившийся за спиной Дуань Юань. — Восемь лет назад он погиб, спасая ребенка во время бури.

«Восемь лет назад... В тот же год был построен этот дом», — озарило Ся Цзэ.

Он выбежал из дома к водопаду, где когда-то произошла трагедия. На краю обрыва к нему бесшумно подошел Дуань Юань:

— Скоро пойдет дождь.

Грянул гром.

Вечером Ся Цзэ тихо сказал:

— Завтра у меня день рождения. Я хочу уехать к родителям.

— Хорошо, — ответил Дуань Юань. — Я отвезу тебя.

Перед тем как юноша ушел к себе, профессор спросил:

— Ты больше не сидишь в том красном кресле?

Ся Цзэ взглянул на ярко-алое кресло у окна, выделявшееся на фоне мрачного леса:

— Нет.

В своей комнате Ся Цзэ выпил воды из нераспечатанной бутылки и через десять минут потерял сознание.

В темноте ночи тихо щелкнул замок.

В это же время в сети на малоизвестном стриминг-канале шел эфир. Зрители недоумевали, зачем кто-то транслирует спящего человека в темной комнате, пока в кадре не появился высокий мужчина. Он подошел к кровати, взял подушку и накрыл лицо юноши.

Зрители думали, что это постановка, пока тело на кровати не забилось в судорогах, а затем бессильно обмякло. Осознав происшедшее, Дуань Юань медленно поднял голову и посмотрел прямо в объектив скрытой камеры.

На этом сюжетная линия фильма заканчивалась.

В качестве пасхалки режиссер снял финальную сцену: отряд спецназа врывается в особняк. Дуань Юань в золотых очках спокоен. На втором этаже у панорамного окна в красном кресле лежит абсолютно нагое тело Ся Цзэ. Вокруг стрекочут цикады, буйствует лето.

Для этой сцены Се Синьцзяню пришлось обнажиться практически полностью — личные места были прикрыты лишь специальной лентой.

Три месяца интенсивных тренировок под руководством тренера дали великолепный результат: тонкое юношеское тело Синьцяня приобрело изящный рельеф, сочетавший в себе подростковую хрупкость и зрелую мужественность.

Несмотря на то что площадку очистили от посторонних, Синьцянь чувствовал себя неуютно.

Встретившись взглядом с Ли Вэньсю, он еще больше смутился. Но Вэньсю смотрел на него исключительно профессионально и сдержанно, не позволяя себе лишних взглядов.

— Волнуешься? — сочувственно спросил режиссер Вэй Чанфэн. — У тебя прекрасное тело, не стесняйся.

— Всё в порядке, — кивнул Синьцянь.

Он лег на красное кресло. Грумеры нанесли мертвенно-бледный тон, лишив его кожу жизни и создав резкий контраст с алым бархатом и сочной зеленью за окном.

Напротив стоял Ли Вэньсю — в белой рубашке, черных брюках и очках в тонкой оправе.

Между ними на столе лежала охапка свежесрезанных белых лилий — деталь, придуманная Вэньсю, чтобы перекрыть ракурс камеры и одновременно закольцевать символ из сцены у водопада.

— «Лицемерный вид», сцена двести четвертая, дубль один!

Синьцянь затаил дыхание, играя труп.

Вдруг по его икроножной мышце кто-то пополз. Вспыхнул зуд, сменившийся легким колющим уколом.

Любой другой на его месте подскочил бы, но Синьцянь проявил железную выдержку: его грудь оставалась неподвижной, ни один мускул на лице не дрогнул.

Мохнатая гусеница с ярким красным узором медленно карабкалась от пятки к бедру — как раз в слепой зоне для камеры и Вэньсю.

Режиссер тем временем мастерски сводил кадры: панорама гостиной, крупный план Вэньсю, ноги на кресле и ракурс из-за спины Вэньсю, открывающий нагого Ся Цзэ с лилией и ползущей гусеницей.

— Снято! — крикнул Вэй Чанфэн.

Синьцянь моментально подскочил, сбрасывая тварь с ноги.

В ту же секунду к нему рванулся Ли Вэньсю.

Не успев затормозить, они врезались друг в друга. Горячая, обнаженная кожа Синьцяня прижалась к одетому, мускулистому телу Вэньсю.

Синьцянь вспыхнул до корней волос. Ткань рубашки Вэньсю неприятно и одновременно сладостно коснулась его груди.

Гусеница упала на пол, но продолжала упрямо ползти к его босым ногам. От неожиданности Синьцянь шагнул назад и снова впечатался в грудь Вэньсю.

Вэньсю от неожиданности напрягся, его дыхание перехватило, а кадык на шее нервно дернулся.

— Простите!.. — смущенно выдохнул Синьцянь, пытаясь отстраниться.

Но Вэньсю сам сделал шаг назад, давая ему пространство.

— Что там у вас? — окликнул оператор, поднимая голову.

Синьцянь сжался: если оператор повернется, он увидит его абсолютно голым!

Не успел юноша спрятаться за спинку кресла, как Ли Вэньсю подхватил его за талию, развернул и надежно укрыл своим телом, прижав к стене.

Оператор увидел лишь широкую спину Вэньсю и непослушные пальцы босых ног Синьцяня, нервно впившиеся в пол.

— Учитель Ли, что-то случилось?

— Гусеница, — отрезал Вэньсю неожиданно низким, хриплым голосом, ощущая дыхание Синьцяня на своей ключице. — Принесите банное полотенце.